

Гу Нин поспешно вышел во двор.

У ворот уже собралась толпа, и все глазели на Му Е. Точнее, на волка у него за спиной. Время от времени раздавались изумленные возгласы. Волк уже издох, но размеры у него были внушительные. Гу Нин знал, как нелегко добыть такого зверя: волки хитры и подозрительны, а сказки о них слышал каждый с малых лет.

Кроме волка, в заплечном коробе лежали травы — обычные, для остановки крови или при болях в суставах, такие в каждой крестьянской семье держат под рукой. Му Е в этот раз повезло, караулил три дня. Выглядел он, правда, изможденным, одежда превратилась в лохмотья, но, к счастью, обошлось без ран.

Поглазев на добычу, люди разошлись — негоже мешать молодым супругам воссоединиться. В конце концов, такт еще никто не отменял.

Му Е сгрузил вещи во дворе и тут же принялся обливаться холодной водой, чтобы смыть дорожную пыль. Слушая шум воды, Гу Нин не решился подойти, лишь мельком взглянул — увидел широкую спину с рельефными мышцами и тут же отвернулся. В очередной раз позавидовав чужой физической форме, он похлопал себя по покрасневшим щекам и, пока тот мылся, отправился на кухню готовить еду.

Гу Нин споро замесил тесто. Перебрал и промыл свежую зелень, которую принес Гу Сяню. Подумав немного, он достал две монетки и сбегал к соседке Тетушке Фан за четырьмя яйцами. У той были куры, но она обычно копила яйца, чтобы обменять на соль у заезжих торговцев или на рынке.

Вернувшись, Гу Нин раскатал тесто на доске. Разогрел сковороду, поджарил яйца до золотистой корочки. Затем слегка обжарил лук для аромата и добавил воды. Му Е, наблюдая из двора за суетой на кухне, неожиданно для себя ощутил тепло в груди.

Когда вода закипела, Гу Нин опустил лапшу и горсть зелени. Готовое блюдо он выложил в миску, украсив сверху яйцами. Белоснежная лапша, золотистые яичницы, изумрудная зелень и прозрачный бульон с крошками зеленого лука — выглядело очень аппетитно.

Му Е не стал церемониться. Сделал глоток бульона, съел пару ложек лапши, и вся накопленная в горах усталость словно испарилась. Видя, с каким аппетитом ест муж, Гу Нин не мог не радоваться. Любому повару приятно, когда его стряпню ценят.

День клонился к вечеру, и Гу Нин собрался постирать одежду Му Е. Но стоило ему коснуться ткани, как Му Е резко вскочил и выдернул вещи из рук. Гу Нин опешил, испугавшись такой внезапной реакции.

— Я... просто хотел постирать твою одежду...

Му Е понял, что повел себя грубо, но не знал, как объясниться. Буркнул неловко:

— Я сам справлюсь. Занимайся своими делами.

В воздухе повисла неловкая тишина. Гу Нин хотел помочь, раз уж тот несколько дней провел в горах, но раз нет — так нет. Он не стал принимать это близко к сердцу и пошел перебирать бобы. В последние дни соседи часто заходили обменять что-то на тофу или продать бобы. Гу Нин скупал всё, что было более-менее приличным, сортируя по качеству. Сейчас самое время перебрать и замочить их.

Му Е тоже пришел в себя. Прежде они жили под одной крышей, но были как чужие, каждый сам по себе. А тут вдруг — стирка. Неудивительно, что он опешил. Но, заметив огорчение на лице супруга, Му Е почувствовал укол совести. Это чувство усилилось, когда он вошел в комнату и увидел новые простыни и наволочки на своей кровати.

Хоть любви между ними не было, за несколько лет они стали почти семьей. И Гу Нин действительно изменился. Вернувшись, Му Е не узнал дом — везде порядок. И сам Гу Нин стал другим: не таким вздорным и требовательным, начал заботиться о хозяйстве.

Подумав об этом, Му Е выложил вещи из короба. Гу Нин как раз закончил мыть руки и, обернувшись, ахнул. В коробе, помимо двух фазанов, лежали два кролика. Фазаны были мертвы, а вот кролики — живы, хотя у одного была повреждена лапка. Серые, пушистые, с длинными ушами и вечно жующими губами — они были невероятно милыми.

У Гу Нина загорелись глаза. Ох, как же хочется их оставить! Он всегда любил животных, но ни времени, ни сил на это не было. Кролики — добыча Му Е, их наверняка нужно продать. Он замялся, не зная, как попросить.

Му Е проговорил:

— За этих кроликов много не выручишь. Делай с ними, что хочешь.

Видя, что Му Е не против, Гу Нин тут же прижал кроликов к себе, погладил их и принялся искать, чем бы их покормить. Уголки губ Му Е едва заметно дрогнули — он сам этого не заметил. Что ж, все гэр любят таких пушистых зверьков. Он растер лечебные травы и помог Гу Нину приложить их к больной лапке кролика, а потом сколотил из найденных досок простую клетку. Видя радость в глазах Гу Нина, Му Е решил, что кролики того стоили.

Оставшихся фазанов Му Е хотел оставить себе, но Гу Нин пожалел — за них можно выручить деньги. Решили одного съесть, другого продать. Из-за жары волка и птицу нельзя было хранить долго, поэтому Му Е решил после обеда сгонять в город, где у него была знакомая лавка, скупавшая дичь. Перед уходом он спросил, не нужно ли чего привезти, но Гу Нин отказался.

Му Е ушел широким шагом, словно груз за спиной ничего не весил. Вернулся он уже в сумерках, принес целую гору покупок: крупы, муку, масло, соль, соусы. Даже купил две пачки

дорогих сладостей — слышал, что городские гэр их любят. Если подсчитать, вышло не меньше двух серебряных монет. Расточительство, сплошное расточительство, вздохнул про себя Гу Нин. Теперь понятно, откуда у прежнего владельца тела были лишние килограммы — он ни в чем себе не отказывал. Вот что значит жить за счет кормильца!

Фазана Гу Нин уже ощипал и разделал. На ужин была жареная птица. Обжарил мясо с имбирем и чесноком до золотистого цвета, добавил соль и немного сахара — из приправ было только самое необходимое. Протушил, добавил воды и налепил сверху лепешек из смеси муки. Перед подачей посыпал зеленым луком. Аромат стоял невероятный. Что ни говори, а хорошая дичь вкусна в любом виде. Самые изысканные блюда требуют лишь простых способов приготовления. Мясо получилось сочным и нежным, а лепешки, пропитавшись бульоном, стали еще вкуснее.

Оба наелись досыта, хотя Гу Нин, помня о своей диете, съел лишь половину порции. Столько трудов ради похудения — нельзя всё испортить.

После ужина они впервые за долгое время сидели во дворе, наслаждаясь вечерним ветерком.

— Ты... — начали они одновременно.

— Ты... — снова хором.

— Говори ты, — предложили они опять вместе.

Тишина. Тишина — это Кембридж сегодняшнего вечера...

Наконец Гу Нин заговорил первым:

— Ты видел, какая у нас утварь. В те дни, что тебя не было, я обдумывал, как делать тофу. Хочу заняться делом. Может, больших денег не заработаю, но на жизнь хватит, да и занятие будет.

Раз они живут вместе, Му Е имеет право знать о его планах. Гу Нин уже приготовился убеждать мужа, если тот запретит ему показываться на людях.

— Хорошо.

— А?

Гу Нин удивился. Разве древние люди не консервативны? К тому же у него самого была не самая лучшая репутация.

— Я сказал — хорошо, — повторил Му Е. — Если нравится — делай. Но не перетруждайся, в доме всегда найдется миска риса для тебя.

Этот мужчина... Он всегда подкрепляет слова действиями, становясь надежной опорой.

Му Е рассказал о своей поездке. В лавке Ганьсян он продал волка. Хозяин лавки, господин Ху, сотрудничал с ним много лет и знал: если Му Е приходит, то с чем-то стоящим. Увидев волка

весом в пятьдесят фунтов и фазана, хозяин был в восторге.

— Пятьдесят монет за волка, пять — за шкуру, две — за фазана. Итого пятьдесят семь, — щедро расплатился господин Ху. Дичь — товар редкий, тут как повезет, а постоянные клиенты ценили такие деликатесы.

Му Е лишь кивнул и ушел.

— Что? Один волк стоит так дорого? — Гу Нин подскочил на месте. — И фазаны так ценятся?

Вспомнив, что сегодня они съели на ужин две монеты, он почувствовал, что мясо в животе стало не таким вкусным. Му Е, глядя на его досаду, невольно усмехнулся. Это не вызвало раздражения, скорее — умиление. Он достал кошель и протянул его Гу Нину:

— Это выручка за сегодня. Две монеты ушли на покупки, остальные пятьдесят пять — возьми.

— Мне? — Гу Нин дрожащими руками взял деньги. Это же настоящее серебро! Он с любовью погладил слитки, даже попробовал на зуб, а потом с сожалением вернул Му Е.

Му Е удивился:

— Что такое?

Гу Нин снова откинулся на спинку стула:

— Хоть серебро и приятно, но то, что зарабатываешь сам, греет душу больше.

Му Е замер, не ожидая таких слов от супруга. Но настаивать не стал. Он вытащил пять монет и снова протянул их:

— Это на хозяйство. Не говори, что не надо, я ведь много ем.

На этот раз Гу Нин взял без колебаний.

Перед сном Му Е сказал:

— Завтра я пойду с вами, посмотрю, как там дела.

Гу Нин подумал, что так будет спокойнее.

На следующее утро, еще до рассвета, Гу Нин принялся молоть бобы. Му Е спал чутко и проснулся от любого шороха. И правда, за три дня разлуки человек изменился — стоит присмотреться. Му Е встал и принялся помогать. Да уж, мужская сила — это не шутки. Гу Нин пытался над жерновами, делая перерывы, а Му Е справился в два счета. Глядя на его мускулистые руки, а потом на свои, еще не успевшие похудеть, Гу Нин вздохнул: «Сравнишь себя с другими — и жить не хочется».

В этот момент пришел Лэ-гэр с опухшими от слез глазами. Гу Нин вскочил:

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Лэ-гэр всхлипнул и собрался заплакать, но, заметив во дворе Му Е, смутился и проглотил слезы. Му Е продолжал спокойно молотить бобы.

Гу Нин увел Лэ-гэра в дом, чтобы зажечь огонь под соевым молоком. Только когда они остались вдвоем, Лэ-гэр рассказал, что произошло. Вчера, вернувшись домой, он не удержался и похвастался Сицзе, что заработал денег. Его услышала мать и, не слушая возражений, забрала всё до последней монеты. Бедный Лэ-гэр не успел даже подержать деньги в руках, как их не стало.

— Ты ешь и носишь всё домашнее, значит, и заработанное должен отдавать в семью до последней копейки! — заявила мать.

Лэ-гэр, привыкший к ее давлению, не посмел спорить. К тому же его мать была женщиной скандальной, вечно закатывала истерики. Все вкусности в доме доставались старшему брату, а им с Сицзе не выпадало даже на карманные расходы. Каждый раз, глядя, как брат ест яйца, они могли только сглатывать слюну. А тут — впервые заработал сам, и всё отобрали. Гу Лэ проплакал пол-ночи, а под утро пришел помогать.

Гу Нин не стал вмешиваться в чужие семейные дела — как-никак, это мать Лэ-гэра. Сам он вырос сиротой и не знал, что такое близкие люди.

— Вчера я заплатил тебе сразу, чтобы подбодрить, так как это был твой первый день. Поспрашивай в городе, где еще так платят, — сказал Гу Нин. — Обычно платят раз в месяц. Давай твои деньги будут храниться у меня, а если что понадобится — возьмишь заранее.

Лэ-гэр не ожидал такого, но всё равно нервничал:

— А если через месяц я принесу деньги домой, и мать снова всё заберет?

Гу Нин постучал его по лбу:

— Эх ты! Не обязательно отдавать всё. Прибереги немного на черный день. Скажи, что я вычел из зарплаты плату за еду, или что ты разбил чашку и должен возместить ущерб.

Гу Нин не учил его плохому — Лэ-гэр был простодушен, и если бы он поссорился с матерью из-за его советов, Гу Нин чувствовал бы себя виноватым.

— К тому же это твоя мать. Она тебя родила и вырастила. Пусть она несправедлива, но ты вырос. Раньше она выделяла брата, считая, что он больше приносит пользы. А если ты начнешь зарабатывать больше и станешь успешнее него, думаешь, она не изменит отношение? В любом случае, гэр ты или нет, если ты зарабатываешь своим трудом, то везде будешь стоять твердо на ногах!

Лэ-гэр ошарашенно кивнул.

Му Е снаружи не собирался подслушивать, но слух у него был отличный, а Гу Нин говорил всё более воодушевленно. Он услышал всё, особенно последние слова про «зарабатывать своим трудом». Неудивительно, что тот не принял его серебро — решил встать на собственный путь.

В душе Му Е шевельнулось чувство, похожее на гордость за повзрослевшего ребенка.

С помощником дело пошло быстрее. Позавтракав дома, они отправились на рынок. Му Е попробовал кусочек тофу — он таял во рту, вкус был нежным и насыщенным. Раньше он думал, что Гу Нин просто балуется, но теперь понял — это не так. В этой миске тофу чувствовалась искренняя забота хозяина.

<http://bllate.org/book/18790/1825014>